

ТОТ САМЫЙ-ЕГО ДЕНЬ

6.10

Валерий ГОРБИКОВ

Шел на работу вечером и слышал, как на Никольской сопке хорооводила музыка среди золотистых камчатских берез. Но шел, не сворачивал — понимал, что нужен он петропавловцам, шестнадцатилетний Гавриушка Калинин.

В те годы, довоенные, с жильем в Петропавловске было особенно трудно. Ящики из-под папирос и печенья сходили за строительный материал. Из ящиков громоздили стены, сверху натягивали брезент и, чтобы не замерзнуть в таком доме, без конца калили чугунную «буржуйку».

У старичка, сторожа типографии, в таком жилище и «квартировал» Гавриил Калинин. Приходил с работы и, перекусив всухомятку, садился за книги, за желтые, при свете коптилки, зачитанные страницы.

...Шесть лет прожил в Петропавловске Гавриил Калинин. В сорок первом уезжал с полупустым фанерным чемоданом. Но главное, наверное, что он увозил из наших мест, далеких и суровых, это — мужество. Так он сам мне сказал — Герой Советского Союза Гавриил Григорьевич Калинин.

...Черный, тупоносый пароход «Север» вышел в океан, повернул на юг. Гавриил смотрел на удаляющийся город — горстку домов, затерянных в размытой туманом зелени, поглаживал мокрые от мороси поручни и хмелел от тугого ветра, от неутоленной жажды дорог. Хотелось от края до края землю пройти.

И он прошел ее. Солдатом. ...Накатанная неизвестно кем дорога — двухколейка лилась под гусеницы танка, змеилась по снежному полю с черными кляксами воронок. Калинин видел ее в смотровую щель, елозил пальцем по планшету и кричал, чтобы голос прорвался сквозь грохот дизеля:

— Еще лесок проскочим, и будет Верхне-Чирская!

Механик-водитель, Павел Романенко, оглянулся, кивнул,

блеснув белками глаз на закопченном лице.

Танк пошел напролом, через лес. Сосенки падали, как подкошенные, березки гнулись неохотно.

К станции подъехали, когда стемнело. Оставили танк с девятью автоматчиками у старой мельницы. Втроем пошли к ближайшему дому.

Старик, которого они разбудили, оторопел, увидев советских танкистов. Когда, наконец, поверил, что перед ним «наши», сказал, что в станции прочно сидят фашисты. Но сколько их, и есть ли у них артиллерия, не знал. А Калинин надо было это узнать. В пятидесяти километрах стояла танковая бригада, которая собралась, наконец, из разрозненных подразделений и готовилась к первому большому наступлению.

Танк Калинина с автоматчиками из пехоты был послан в разведку. Надо было выяснить, сколько врагов в Верхне-Чирской, можно ли сейчас освободить станицу. Или надо подождать, пока подойдет подкрепление. Но как это узнать?

По заснеженной балке-оврагу пробрались к мельнице, где оставили танк... Попробовали связаться со своими по радию. В наушниках — бессловесные хрипы — далеко бригада. Бойцы обступили Калинина, двадцатитрехлетнего своего командира. Что он решит?

...Он, конечно, думал тогда, на палубе «Севера», прощаясь с городом своей юности — Петропавловском, что еще не раз в жизни будет трудно. Но не думал, что будет ТАК трудно. Что будет война.

На Сталинградском машиностроительном заводе, где он стал отличным токарем, держала «бронь». В армию не брали. Он записался в батальон самообороны и почти каждый день ходил в военкомат:

«Пошлите на фронт!» Идет война, а он, крепкий парень, топчет песок на «строевой» во дворе завода и стреляет по фашистам... вырезанным из фа-

нерья! Наконец послали в танковое училище.

— Это училище, — вспоминал Гавриил Григорьевич, — заканчивала, пожалуй, половина тех, кто в него поступал... Практику ведь проходили в боях под Сталинградом.

...Он не мог думать тогда, на палубе камчатского парохода, что будет так трудно. — Стоять у танка под большой, как город, русской станицей, занятой врагом, и видеть, не видеть, а даже осязать, как одиннадцать бойцов молча поглядывают на тебя: «Решай, командир!»

...По станице, по широкому проселку, шел советский танк. Шел открыто, не спеша, с включенными фарами. Проплывали в голубом вечере, слева, справа, дома со слепыми окнами. На окраине танк развернулся и стал. Станица молчала. Медленно поворачивая башню, танк застучал пулеметом и грохнул залпом. И тогда где-то в центре вспорхнула ракета, повисла над крышами бледно-зеленым вопросительным знаком. Почти из каждого двора часто посыпали выстрелы. Танк взревел двигателем и рванул вперед, поливая огнем из пулемета. Чтобы не продвигаться уже в темноте по незнакомым местам, танкисты подожгли несколько сараев, те вспыхнули ярко, высокими кострами.

Фашисты появлялись то тут, то там, выкатывали пушки.

«В станице врагов много. Есть артиллерия. Танков нет». Эти «разведданные», которые передадут оставленные на окраине автоматчики, можно было получить только так — навязав бой, из которого вряд ли выйдешь живым.

Несколько часов носился танк по улицам, налетая на врага в самых неожиданных местах. Молодой лейтенант задыхался от жара раскаленной брони, кружилась голова от гари и грохота.

...Есть, наверно, момент в жизни почти каждого человека — не угадаешь, когда наступит он: в детстве, в молодости или к старости поближе... Но приходит такой мо-

мент: час, день, месяц. И человек делает все, что в его человеческих силах. И даже больше. Потом это называют подвигом.

Калинин не думал, конечно, о том, что они совершают подвиг. Грызла боль за товарищей, которых вместе с собой подставлял смерти. Даже через месяц, когда ему вручали Звезду Героя, Гавриил растерялся — не ожидал. Но тогда, в Верхне-Чирской был тот самый момент, тот самый его день.

...На какой-то кривой улочке немцы успели выкатить пушку, развернуть, прицелиться. Сворачивать было поздно — до нее оставалось метров сорок. Гавриил видел, как к пушке поднесли снаряды. «Жми!» — заорал он водителю. Дизель ревел на пределе, танк мчался, не сворачивая навстречу смерти, навстречу лобовому залпу. Не выдержали... гитлеровцы — рассыпались, бросив орудие. От мощного удара пушка отлетела на обочину.

Ориентируясь по горящим сараям, танк Калинина неожиданно сворачивал в переулки, резко тормозя тракой. В грязном свете костров мелькали силуэты перепуганных фашистов. Калинин непрерывно бил из пулемета и посылал снаряды над крышами домов...

Уже утром пробился к своим автоматчикам, которые вели бой на окраине. В танке не было ни горючего, ни патронов, ни снарядов.

— Уходят, — сказали автоматчики. — Артиллерию бросили и уходят. Вприпрыжку...

Подождала наша бригада. Огромная станица, в которой, как потом узнали, отсиживались четыре недобитые под Сталинградом части гитлеровцев, была освобождена в эту ночь одним советским танком! Фашисты с перепугу решили, что их атаковало, по крайней мере, десятка два русских «тридцатьчетверок». Не пришло в голову, что по улицам носился всего один советский танк, которым командовал молодой лейтенант. Хочется сказать — наш земляк, петропавловец, Гавриил Калинин.

...Танковая бригада продолжала наступление. Пыля ноябрьским снегом, шли машины на Восток.

ИХ МНОГО — городов на земле. Много в жизни твоей, особенно, если ты — солдат, и судьба твоя, перелетная, не дает засидеться на месте. Их много. Но есть города или места, к которым прирастаешь «намертво». И не в том дело, что не покидаешь их, а в том, что, уезжая... берешь их с собой. Я встретился с Гавриилом Григорьевичем Калининым, депутатом Верховного Совета Крайней республики, на юге, в Феодосии. Зимой. Гавриил Григорьевич шел, скрипя снегком, и говорил, что по душе ему этот вечный крымский морозец. Потому что в молодости жил он на севере — в наших краях, в нашем городе и за быть об этом не может. Он приехал в Петропавловск-Камчатский, и город по началу показался ему суровым, неприветливым. Но вскоре полюбил строгую красоту этих мест. Город обступали сопки, похожие на окаменевшие гребни гигантских волн. А сами волны — океанские, подталкивая одна другую, билась о скалистый берег. Вначале Гавриил устроился учеником в механическую мастерскую. Скрипел круглый день напильником и чувствовал себя «кустарем» в захламенном цеху с мутными окнами. Друг его, Сережка Калинин, работая в областной типографии. — Слушай, пойдём к нам! — нас интересной. В типографии Гавриилу понравилось. Стал наборщиком. Работать приходилось с вечера и до 5—6 часов утра.